

Я. К. Грот

**Несколько данных к его
биографии и характеристике**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Я11

Я11 Я. К. Грот: Несколько данных к его биографии и характеристике / – М.: Книга по Требованию, 2018. – 247 с.

ISBN 978-5-4241-4437-0

С приложением некоторых документов, относящихся к юбилеям Якова Карловича в 1882 и 1892 гг. и библиографического списка его сочинений, переводов и изданий.

ISBN 978-5-4241-4437-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Издавая настоящую книжку, независимо отъ собранія ученыхъ и литературныхъ трудовъ Якова Карловича Грота, мы хотимъ этимъ введеніемъ къ нему положить вмѣстѣ съ тѣмъ первое основаніе его будущему жизнеописанію. Полная біографія такого дѣятеля можетъ потребовать нѣсколькихъ лѣтъ добросовѣстной и усидчивой работы, — въ особенности когда имѣется для нея такъ много матеріаловъ. Теперь, мы только повинемся сердечной потребности освѣжить въ памяти еще живущихъ друзей и почитателей Якова Карловича воспоминаніе объ этой жизни и дать о ней нѣкоторое понятіе тѣмъ, кто зналъ его только по имени.

На первомъ мѣстѣ печатаемъ мы краткій автобіографическій очеркъ, написанный имъ по вызову задушевнаго друга его Плетнева въ 1852 году, стало быть обнимающій дѣтство, годы воспитанія, первую службу въ Петербургѣ и финляндскій періодъ его дѣятельности. Онъ дополненъ замѣтками позднѣйшихъ лѣтъ до 1878 года на отдѣльныхъ листкахъ, набросанными его рукою въ разное время (отчасти по просьбѣ составителей біографическихъ сборниковъ и словарей) и хранившимися у него въ особомъ пакетѣ съ надписью: „Къ автобіографіи“. Понятно, что, соединяя эти отрывки въ одно

хронологическое цѣлое, мы печатаемъ все дословно такъ, какъ у него было написано.

Присоединяя къ этой краткой автобіографіи нѣкоторые изъ найденныхъ (на листкахъ же) отрывочныхъ замѣтокъ и размышленій автора, относящихся къ 40-мъ годамъ, мы полагаемъ, что и они, независимо отъ подобнаго же матеріала, разбросаннаго въ перепискѣ и дневникахъ его, могутъ служить къ объясненію того, какими путями сознанія и работы надъ собой Яковъ Карловичъ сталъ тѣмъ, чѣмъ всѣ его знали въ послѣдующія эпохи его жизни.

Нѣкоторые стихотворенія, написанныя въ разное время, дополняютъ освѣщеніе его внутренней, духовной жизни. Но при этомъ необходимо сдѣлать оговорку, что онъ самъ придавалъ имъ значеніе скорѣе искреннихъ, сердечныхъ изліяній въ минуты поэтического настроенія души, нежели законченныхъ художественныхъ произведеній, и мы помѣщаемъ нѣкоторые изъ не бывшихъ еще въ печати именно въ виду ихъ біографическаго интереса.

Альбомъ же, поднесенный имъ въ Бозѣ почившему Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу, когда Онъ вступилъ въ совершеннолѣтіе въ 1859 году, даетъ ясное понятіе о духѣ и направленіи преподаванія Якова Карловича Августѣйшимъ ученикамъ его. Читанный въ разное время обоимъ старшимъ великимъ князьямъ, онъ по кончинѣ Наслѣдника Цесаревича, сколько намъ извѣстно, перешелъ въ руки въ Бозѣ почившаго Императора Александра Александровича. Теперь подлинникъ его сохраняется въ бібліотекѣ села Ильинскаго.

Заканчиваемъ эту книжку воспоминаніями о послѣднихъ дняхъ жизни неутомимаго труженика на пользу родного просвѣщенія, а въ концѣ прилагаемъ нѣкоторые документы, относящіеся къ юбилеямъ 1882 и 1892 годовъ, а также библиографическій списокъ его сочиненій и изданій.

Намъ остается надѣяться, что никто изъ цѣнившихъ покойнаго не посѣтуетъ на насъ, что мы этими немногими свѣдѣніями приготовимъ ихъ вниманіе къ предстоящему изданію сочиненій Якова Карловича и прежде всего долготѣней литературной и дружеской переписки его съ П. А. Плетневымъ, которая должна появиться въ скоромъ времени.

Пользуемся этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отмѣтить здѣсь же съ чувствомъ глубочайшей признательности, что самую возможность и скорымъ осуществленіемъ предстоящаго изданія русская наука и литература обязаны просвѣщенному и милостивому почину Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ и Его теплому отношенію къ памяти покойнаго.

Наталя Гротъ.

30 марта 1895 г.

І.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Родился я въ Петербургѣ 15 декабря 1812 года въ домѣ давно уже не существующемъ, на нынѣшней Михайловской площади. Отецъ мой, Карлъ Ефимовичъ Гротъ, служилъ тогда въ департаментѣ государственныхъ имуществъ контролеромъ, подъ начальствомъ. гр. Владиміра Григорьевича Орлова. Онъ былъ единственный сынъ пастора Іоакима Грота, уроженца Голштиніи, пріѣхавшаго въ Россію при Петрѣ III, за два года до воцаренія императрицы Екатерины ¹⁾.

Іоакимъ Гротъ учился въ Іенскомъ университетѣ, гдѣ пріобрѣлъ степень кандидата богословія. Прибывъ въ Россію, онъ вскорѣ получилъ мѣсто пастора при Екатерининской церкви, на Васильевскомъ острову ²⁾. Онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ со многими изъ нѣмецкихъ ученыхъ, бывшихъ тогда въ Петербургѣ: съ Шлѣцеромъ, который говоритъ о немъ въ одномъ изъ

¹⁾ Якимъ Гротъ (род. 14 іюня 1733 г. въ голштин. городкѣ Рібл'ѣ) опредѣлился въ 1758 г. секретаремъ при генералъ-аншефѣ бар. Ник. Андр. Корфѣ, назначенномъ тогда губернаторомъ Кѣнигсберга и ѣздавшемъ въ 1742 г. въ Голштинію за Великимъ Княземъ Петромъ Федоровичемъ. Въ 1760 г. Гротъ поѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ домашнимъ учителемъ у какой-то генеральши Корфъ (вдовы). Замѣчательно, что и внукъ его Яковъ Карловичъ началъ службу при бар. Корфѣ.

²⁾ Еще до восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, отклонивъ нѣсколько иныхъ предложеній, онъ опредѣлился пасторомъ при голштинскомъ войскѣ въ С.-Петербургѣ, а въ 1764 г., по смерти пастора Екатерининской церкви, онъ занялъ его мѣсто (12 декабря).

своихъ сочиненій какъ о человѣкѣ, которому онъ былъ много обязанъ, съ Бакмейстеромъ, часто упоминающимъ о Якимѣ Христіанѣ Гротѣ въ своей «Библіотекѣ», особливо же съ Эйлеромъ, съ которымъ дружба его перешла и на семейство обоихъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій моего дѣда замѣчательны его духовныя пѣсни, изъ которыхъ многія до сихъ поръ поются въ протестантскихъ церквахъ, дагѣ его проповѣди; между ними особенное значеніе имѣли тѣ, которыя онъ произносилъ въ пользу оспoprививанія; императрица Екатерина обратила на нихъ вниманіе и въ знакъ своей признательности пожаловала ему большую золотую медаль. Но важнѣйшимъ трудомъ его было трехтомное сочиненіе «О свободѣ вѣроисповѣданій въ Россіи» — историко-статистическій трудъ, который никогда не потеряетъ своей цѣны и заключаетъ въ себѣ между прочимъ много біографическихъ свѣдѣній о протестантскихъ ученыхъ и въ томъ числѣ о самомъ авторѣ сочиненія. Онъ умеръ въ 1799 (или 1800) г.¹⁾

Отецъ мой воспитывался въ Петропавловскомъ училищѣ. О способностяхъ его свидѣтельствуеетъ то обстоятельство, что онъ вышелъ первымъ ученикомъ и на выпускномъ экзаменѣ произнесъ рѣчь, о которой Бакмейстеръ упоминаетъ въ своей *Russische Bibliothek*.

Лѣтъ 14-ти отецъ мой имѣлъ счастье быть избраннымъ въ число тѣхъ молодыхъ людей, которые во время малолѣтства императора Александра I-го были призываемы ко двору для практическаго упражненія двухъ старшихъ [великихъ князей Александра и Константина Павловичей въ разговорѣ на иностранныхъ языкахъ, — обстоятельство упоминаемое самою императрицею Екатериною II въ письмахъ ея къ Гримму²⁾. Этой

¹⁾ Болѣе подробныя о немъ свѣдѣнія см. въ Замѣткѣ *Я. К. Грота* о своемъ дѣдѣ въ Сборн. Отд. р. я. и сл. 1868 г. т. V, вып. 1-й, стр. 289—292, составл. по автобіогр. свѣдѣніямъ въ трудѣ самого Якима Грота (Замѣчанія о свободѣ вѣроисповѣд. въ Россіи, III том.; Свѣд. о лютер. пасторахъ) и нѣкоторымъ другимъ источникамъ. Годъ его смерти показывается различно: 1799 или 1800 г., а по Слов. рус. пис. Митр. Евгенія даже 1802 г.

²⁾ См. Сборникъ Истор. Общ., т. XXIII, стр. 297, 298.

честью обязанъ онъ былъ почетному положенію, которымъ пользовался дѣдъ мой, какъ пасторъ Екатерининской церкви. Отецъ былъ человѣкомъ знающимъ, дѣловымъ и въ высшей степени благороднымъ, но судьба не дала ему долголѣтія: онъ умеръ 46 лѣтъ отъ роду, начальникомъ отдѣленія въ 1816 году. Онъ особенно наблюдалъ правило, чтобы дѣти его прежде всего хорошо выучивались говорить по-русски, и потому прислуга у насъ была исключительно русская.

На 5-мъ году очутился я сиротою: на рукахъ моей матери остались дочь и двое сыновей. Она была по происхожденію нѣмка (урожденная Цизмеръ)¹⁾, но любила все русское и, почитая Россію своимъ единственнымъ отечествомъ, воспитала насъ дѣтей въ любви къ русскому языку и народу, въ привязанности и благодарности къ Россіи. И она раздѣляла мысль отца, что первый языкъ дѣтей ихъ долженъ быть русскій; но и французскій и нѣмецкій мы усвоили себѣ въ ранніе годы, незамѣтно, въ семейномъ кругу, такъ что мнѣ трудно припомнить, которому изъ нихъ я научился прежде.

Получая скромную пенсію за службу мужа и не имѣя другого состоянія, мать моя рѣшилась посвятить жизнь тремъ своимъ дѣтямъ. До 10-тилѣтняго возраста она воспитывала меня дома, частью сама, частью нанимая учителей изъ своихъ скудныхъ средствъ. Рѣзвость мальчика и требованіе болѣе серьезныхъ уроковъ побудило её подумать о помѣщеніи насъ — меня и младшаго брата моего Константина²⁾ — на казенный счетъ въ лучшее общественное заведеніе того времени: Царскосельскій лицей. Надежда моей матери основывалась на томъ, что покойный отецъ мой былъ лично извѣстенъ въ дѣтствѣ императору, и эта надежда оправдалась.

Прошеніе на имя императора Александра Павловича, очень

¹⁾ Каролина Ивановна, рожд. Цизмеръ, род. 1 февраля 1780 г., ум. 1852 г.

²⁾ Константина Карловича, нынѣ статсъ-секретаря и члена Государственнаго совѣта (род. 12 января 1815 г.).

искусно написанное на французскомъ языкѣ, служившимъ въ иностранной коллегіи (какъ тогда и еще долгое время послѣ называли министерство иностранныхъ дѣлъ) барономъ Остенъ-Сакеномъ, зятемъ директора лицея Е. А. Энгельгардта, было милостиво принято Государемъ и 16 января 1823 года я поступилъ въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ. Мать сама отвезла меня туда. Это была первая моя разлука съ нею. Мнѣ только-что минуло 10 лѣтъ. Можно представить себѣ, какъ я былъ потрясенъ этой внезапной переменой въ судьбѣ моей. Двое сутокъ я плакалъ непрерывно, сперва на квартирѣ инспектора Ф. О. Нумерса, а потомъ между товарищами, и долго еще, какъ только мнѣ приходилось читать вслухъ или отвѣчать, слезы задушали мой голосъ при неотвязчивой мысли о родительскомъ домѣ.

Меня помѣстили въ 1-й, самый низшій классъ и сосѣдъ мой въ первый же день отрекомендовалъ себя тѣмъ, что присвоилъ себѣ новенькій мой пеналъ со всѣмъ, что въ немъ было. Въ тамошнемъ школьномъ быту, какъ я скоро могъ замѣтить, сильно господствовало кулачное право, и фискалить, т. е. жаловаться, было очень опасно. Скромностью и прилежаніемъ я скоро сталъ на хорошемъ счету, и разъ приобрѣтя репутацію отличнаго ученика, уже не терялъ ее до самаго выпуска изъ лицея. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я перешелъ во 2-й классъ, а спустя годъ въ 3-й, въ которомъ пробылъ два года.

Изъ тогдашнихъ моихъ учителей мнѣ особенно пріятно вспоминать П. Е. Бѣликова, который преподавалъ русскій языкъ и математику, Троицкаго, позднѣе соединявшаго въ своихъ рукахъ русскую литературу и латынь, также французовъ: Менюэ и Трико. Директоромъ пансіона въ то время былъ полковникъ Алабовъ, который назначенъ былъ послѣ Гауеншильда, чтобы подтянуть распущенное заведеніе.

Міръ, окружавшій меня въ дѣтствѣ моемъ, былъ чрезвычайно тѣсенъ и однообразенъ. Въ отцѣ я лишился опытнаго руководителя и совѣтника, котораго мать, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могла замѣнить. На учителей я въ этомъ возрастѣ не

былъ счастливъ, и потому при поступленіи моемъ въ пансіонъ я былъ вообще еще очень мало развитъ. Я былъ тогда застѣнчивымъ ребенкомъ, очень далекимъ отъ зрѣлости и бойкости большей части нынѣшнихъ мальчиковъ, и эту относительную медленность моего развитія приписываю я главнымъ образомъ тому, что до того находился въ женскихъ рукахъ. Зналъ я тогда еще очень мало, хотя и учили меня ариметикѣ, географіи и даже математической; домашній учитель мой читалъ такія высокопарныя лекціи, что я въ его классѣ частехонько засыпалъ. Только въ языкахъ положено было хорошее основаніе моимъ знаніямъ, чему я отчасти обязанъ былъ кромѣ матери старушкѣ тѣткѣ (сестрѣ ея ¹⁾), которая нѣжно любила насъ и учила меня французскому языку. У нея было множество толстыхъ лексиконовъ—и я, забравшись въ ея комнату, находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы рыться въ этихъ фоліантахъ, отыскивая слова и проводя такимъ образомъ цѣлыя часы.

Когда въ пансіонѣ я сталъ учиться латинскому языку, учитель Троицкій однимъ случайнымъ средствомъ чрезвычайно способствовалъ къ моимъ успѣхамъ въ этомъ новомъ предметѣ. На праздники, передъ отъѣздомъ воспитанниковъ въ Петербургъ, онъ задалъ всему классу пріискать изъ лексикона по триста неизвѣстныхъ словъ, выписать ихъ и выучить наизусть. При возобновеніи уроковъ оказалось, что одинъ я буквально исполнилъ эту задачу. Я купилъ себѣ въ гостиномъ дворѣ лексиконъ Кронеберга, и на длинномъ, склеенномъ въ видѣ ленты лоскуткѣ бумаги выписалъ изъ словаря три сотни словъ; при спрашиваніи этого урока я просто отличился. Какъ учитель ни вертѣлъ бумагу, русское ли слово называлъ или латинское, я ни разу не ошибся къ великому его удовольствію и къ удивленію товарищей, которые всѣ выполнили задачу кое-какъ. Съ тѣхъ поръ я прослылъ между ними большимъ латинистомъ. вмѣстѣ съ лексикономъ Кронеберга, купилъ я себѣ басни Крылова и геогра-

¹⁾ Елизаветѣ Ивановнѣ Цизмеръ, содержавшей пансіонъ въ Петербургѣ.

фію Пётуніна, которыя послѣ были для меня обильнымъ источникомъ наслажденій.

Лицейскій пансіонъ служилъ тогда единственнымъ разсадникомъ для лицей. Туда переходили черезъ каждые три года 25 лучшихъ пансіонеровъ извѣстнаго возраста, и тамъ ученіе продолжалось шесть лѣтъ. На этомъ основаніи я и поступилъ 26-го августа 1826 года въ лицей, гдѣ я съ самаго начала до конца считался первымъ воспитанникомъ по успѣхамъ и поведенію.

Лицей имѣлъ тогда назначеніемъ готовить молодыхъ людей для поступленія какъ въ высшія гражданскія вѣдомства, такъ и въ военную службу. Воспитанники не были обязаны, при самомъ поступленіи, избрать то или другое поприще, и потому всѣ проходили одинъ общій курсъ, соединявшій по возможности науки философскія (humaniora) съ юридическими. Еще въ послѣднее время царствованія Александра I на лицей отразилась общая перемѣна во внутренней политикѣ: Энгельгардтъ, при которомъ воспитанники дѣйствительно пользовались слишкомъ большою свободой, навлекъ на себя неудовольствіе Государя и замѣненъ генераломъ Гольтгоеромъ, который до того былъ директоромъ такъ называемаго Дворянскаго полка и приобрѣлъ репутацію начальника, умѣвшаго поддерживать строгую дисциплину. Дѣйствительно, онъ завелъ въ лицей порядокъ, и нарушенія не проходили безнаказано. Онъ былъ добрый, хотя и неученый нѣмецъ, впрочемъ знавшій порядочно математику и потому ставившій ее выше всѣхъ наукъ. Содержали насъ не дурно, если взять въ расчетъ, что на каждаго воспитанника отпускалось въ сутки не болѣе 10 коп.

Изъ стѣнъ лицея къ роднымъ и знакомымъ отпускали насъ по праздникамъ только на день, и мы не могли отлучаться нигде за предѣлы Царскаго Села и Павловска. Тотъ же порядокъ соблюдался даже и во время вакацій. Это въ сильной степени развивало между тогдашними лицеистами духъ товарищества и было благопріятно для занятій. Но слишкомъ большое разно-